

EDN: TUQDIZ
УДК 27-72:783.8(470.311)»15/16»

Formation of the Monastery Choir in Russia in the 16th-17th Centuries (Using the Example of the Joseph-Volokolamsk Monastery)

Nikolai P. Parfentiev* and Natalia V. Parfentieva

*South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation*

Received 22.04.2024, received in revised form 23.04.2024, accepted 14.05.2024

Abstract. Old Russian monasteries were the important centers of professional musical culture, which developed as a result of the activities of masters of church choral art. Documentary sources have brought to us information about how the formation of the choirs took place, how monastery singers and their leaders (choir directors, choir conductors) performed their duties, as well as what were the features of their material maintenance. It turned out that large monasteries constantly experienced a shortage of singers, so in the life of choir members it became common for them to move from one monastery to another to serve on a short-term basis. The rare completeness of preservation of the documents of the Joseph-Volokolamsky monastery makes it possible to reconstruct the picture of this phenomenon for some periods of the 16th-17th centuries. In the article, the authors also come to the conclusion that the state and development of church singing art in this monastery, where the orientation towards “Moscow singing” was decisive, suggests that the creative traditions of other monasteries in Russia developed in a similar way in close connection with one or the other large regional singing centers. Overtime, priceless artworks are created here. Among them, musical works also occupy a special place.

Keywords: Old Russian church singing art, monastery choirs, author’s creativity, Joseph-Volokolamsky monastery.

Research area: Theory and History of Culture and Art

Citation: Parfentiev N. P., Parfentieva N. V. Formation of the monastery choir in Russia in the 16th-17th centuries (Using the example of the Joseph-Volokolamsk monastery). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(7), 1286–1295. EDN: TUQDIZ

Формирование монастырского хора в России XVI–XVII вв. (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря)

Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева

Южно-Уральский государственный университет
Российская Федерация, Челябинск

Аннотация. Древнерусские монастыри были важнейшими центрами профессионально-музыкальной культуры, развивавшейся в результате деятельности мастеров церковного хорового искусства. Документальные источники донесли до нас сведения о том, как проходило формирование состава хоров и исполнение певчими (клирошанами) и их руководителями (головщиками, уставщиками) своих обязанностей, а также каковы были особенности их содержания. Оказалось, что крупные монастыри постоянно испытывали недостаточность певчих, поэтому в жизни клирошан обычными становятся их переходы из обители в обитель для службы на правах краткосрочного найма. Редкая полнота сохранности документов Иосифо-Волоколамского монастыря позволяет восстановить картину данного явления для некоторых периодов XVI–XVII вв. В статье авторы также приходят к выводу, что состояние и развитие церковно-певческого искусства в этом монастыре, где определяющим являлось ориентирование на «московское пение», позволяют полагать, что подобным образом в тесной связи с крупными региональными певческими центрами развивались творческие традиции и других монастырей России. Со временем здесь создавались бесценные памятники искусства, среди которых особое место занимают музыкальные произведения.

Ключевые слова: древнерусское церковно-певческое искусство, монастырские хоры, авторское творчество, Иосифо-Волоколамский монастырь.

Научная специальность: 5.10.1 Теория и история культуры, искусства

Цитирование: Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Формирование монастырского хора в России XVI–XVII вв. (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(7), 1286–1295. EDN: TUQDIZ

Согласно документам, хоры древнерусских обителей состояли из монашеской братии, а их структура отличалась от «мирских» хоров, которые подразделялись на «станции» (Parfentiev, 1991a). Монастырский хор делился на два клироса, или «лика» («правый» и «левый»), во главе с головщиками, которые следили, чтобы певчие приходили на службу вовремя, пели «смирненно» и «ровно», а для совершенствования своего искусства собирались в определенное время «для спевания». За правильностью пения, его соответствием уставному порядку следил устав-

щик. Сами певцы назывались клирошанами («крылошанами»). В монастырском хоре могли оказаться люди из разных слоев общества и самого разного возраста (Kudryavtsev, 1881: 129; Parfentiev, Parfentieva, 2013: 93).

О количестве певчих в монастырях судить довольно сложно. С одной стороны, согласно документам, состав хоров часто обновлялся, с другой – источники очень редко отражают их полный состав. В среднем к XVII в. хор, насчитывавший немногим более 20 человек, по-видимому, был типичным для крупных монастырей. В отдельные годы

число певчих значительно сокращалось: уход из монастыря, отправка по хозяйственным и другим делам, эпидемии и войны становились причиной значительного сокращения монастырских хоров. При необходимости в эти годы членами хора становились свободные от службы причт и рядовые монахи, а также специально нанятые *приходящие* клирошане (Parfentiev, Parfentieva, 2013: 93).

Основная, певческая, деятельность клирошан, как и других древнерусских профессиональных музыкантов, была связана с церковными службами и регулировалась церковным Уставом. Но на формирование репертуара монастырских хоров влияли и различные факторы (решения соборов, события государственного или общецерковного значения и др.). Так, после собора 1547 г. митрополичьей грамотой «архимандритам и игуменам» предписывалось праздновать «новым чудотворцом в Руской земли» (Асту, 1836: 203–204). Известно, что за этим последовало появление новых праздничных служб и огромного количества песнопений в различных стилях и распеввах.

О разнообразии репертуара можно судить прежде всего по певческим рукописям монастырских библиотек, особенно по собраниям, хорошо сохранившимся до наших дней. Их книги отличаются обширным подбором песнопений и распевов. Если последовательность и состав песнопений во многом определялись церковным Уставом, то использование во время службы различных распевов, созданных для того или иного песнопения, зависело от воли совершающего службу священнослужителя, от уровня образованности и музыкальных интересов клирошан, отбравших и включивших в рукописи эти распевы, от музыкальной культуры самих монастырей. Наиболее многочисленными в певческих сборниках являются распевы, названные по месту их происхождения (московский, новгородский, усольский и др.), а также произведения, сложившиеся в самих монастырях (чудовский, кирилловский и т.п.). Отдельную группу составляют авторские распевы, названия которых про-

исходят от имен конкретных распевщиков (Крестьянинов, Логинов и др.). Кроме того, многие песнопения представлены в разных стилях исполнения (Демество, Путь, Большой распев). Эти произведения включены в сборники, написанные в монастырях или поступившие сюда в виде вкладов. По всей вероятности, некоторые из песнопений звучали во время церковных служб. Многие из перечисленных распевов разошлись по стране и попали в рукописные книги разных обителей. Но индивидуальные особенности музыкального искусства монастырей нашли отражение в произведениях, созданных непосредственно в их стенах.

За исполнение певческих обязанностей клирошанам иногда устанавливались вознаграждения, которые свидетельствовали об их особом положении среди братии¹. Временно нанимавшимся певцам давалось «зажилое» жалованье, размер которого зависел от благосостояния монастырей и установленного в них порядка. Поскольку наемные клирошане часто переезжали из монастыря в монастырь, деньги им выплачивались помесячно. Содержание монастырских певчих значительно увеличивалось различными пожалованиями по тем или иным случаям. Например, в рождественские дни клирошане участвовали в обряде славления Христа перед монастырским начальством. В митрополичьих и крупных монастырях, расположенных вблизи городов, епархиальных центров, можно было славить при дворах архиереев, а часто и в боярских хорах. Певцов из некоторых московских монастырей приглашали для славления даже в царские и патриаршие палаты. Помимо различных пожалований певцы, как и вся братия, получали «монастырский корм» (Parfentiev, 1991: 172–186).

Говоря о творчестве иноков-распевщиков, следует исходить из того, что в том или ином древнерусском монастыре не существовало раз и навсегда устоявшихся певческих традиций. Это было не только

¹ К примеру, «Указом о трапезе» 1590 г. в Троице-Сергиевском монастыре был закреплен порядок выдачи певчим дополнительных «кормов», пива и меда (Dorolnaya, 1846, 218–219).

следствием изменения состава клирошан и проникновения «новых веяний и традиций» (Brazhnikov, 1972: 15). Были и другие возможности познакомиться с особенностями исполнения песнопений в разных местностях: поездки певчих по хозяйственным делам в столицу, монастыри, города, где они, несомненно, посещали богослужения; частные визиты местных архиереев в сопровождении своих хоров, певших в монастырских соборах вместе с клирошанами; посещения архиерейскими певчими и певчими боярско-княжеской аристократии монастырей для славения и т.д. В монастырях, расположенных вблизи Москвы, часто пели патриарший и даже государев хоры. Постоянный обмен певческими традициями, которые привносились приходившими извне певцами (прежде всего в распевы формул, строк песнопений), появление мастеров, обладающих талантом осмысливать и обобщать эти традиции, способствовали интонационному обогащению местных распевов, рождению новых произведений, развитию творчества в древнем каноническом искусстве.

Рассмотрим особенности формирования и деятельности монастырского хора на примере сохранившихся документов Иосифо-Волоколамского монастыря, располагавшегося недалеко от Москвы (рис. 1). Совершавшиеся здесь праздничные богослужения посещали верховные лица государства и церкви, поэтому интересно рассмотреть состояние и особенности развития певческого искусства в этой обители.

Напомним, что Иосифо-Волоколамский монастырь был основан в 1479 г. Он содержал крупное хозяйство, располагая многими селами и промыслами, вел торговлю. Получив церковно-певческое образование в Новгороде Великом и будучи грамотным человеком, здесь в качестве «монастырского слуги» оказался будущий выдающийся мастер певческого искусства Иван Нос. Но при этом монастыре он более восьми лет трудился на административно-хозяйственной работе. Известные нам документы в последний раз упоминают его в феврале 1557 г. Сле-

дующие сведения об Иване Носе относятся ко времени его пребывания на государственной придворной службе в качестве крестового дьяка (см.: Parfentiev, 2011: 192–194). Мастер покинул монастырь, вероятно, потому, что в его планы не входило принятие монашеского пострига, а период подъема церковно-певческого искусства в обители пришелся на более позднее время.

Согласно документам, особое внимание состоянию богослужебного пения монастырские власти начали уделять в последней четверти XVI в. В это время устанавливается практика пополнения хора посредством найма профессиональных певчих-клирошан и выдачи им «зажилого», отмечается постепенный рост их количества². Чрезвычайно редкие по сохранности и полноте делопроизводственные документы Иосифо-Волоколамской обители позволяют довольно подробно рассмотреть этот сложившийся порядок формирования монастырского хора. Можно полагать, что подобная практика была характерной и для других обителей.

Обратимся прежде всего к расходным книгам монастыря. В данных документах за 1540-е–1550-е гг. мы встречаем записи о выдачах жалования («руги») священникам, различным мастерам, слугам, сторожам и т.д.³, но нет записей о расходах на клирошан. Монастырские расходы записывались очень дифференцированно и, возможно, эти записи попали в другие книги, не дошедшие до нас. Но возможно и то, что среди братии в те времена было достаточно людей, сведущих в церковном пении и способных при совершении богослужения занять место на клиросе вместе с дьяконами и священниками. Это и был основной состав хора.

² Документы использовала в своих исследованиях С.Г. Зверева (см.: Zvereva, 1988, 117–128). Однако выводы автора, на наш взгляд, являются неверными. Исследовательница не учитывала, что получавшие жилище певчие были наемными, относя их к основному составу хора. Поэтому среди её выводов находим заключения, что иногда этот «хор» состоял из 1–2 клирошан, упоминаемых в росписях на получение зажилого.

³ Напр.: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 1. Л. 41, 61 об., 74 об., 125 и др.

С возрастанием авторитета и роли монастыря в духовной жизни страны, ростом его материального благосостояния в последней четверти XVI в. постепенно начинает нарастать и прием наемных профессиональных певчих-клирошан. Первоначально их число *одновременно* в тот или иной месяц составляло от 2 до 6, затем не превышало 8–12 чел. (см. табл. 1). Иногда принимался и мастер-головщик⁴. Так, например, в 1592 г. головщику Дионисию Вевеке зажилого жалования полагалось по гривне в месяц (дано 40 алтын «на» год), клирошанам – выдавалось по 2,5 алтына. Однако с начала XVII в. и рядовые певчие,

⁴ Напр.: РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 10. Л. 89 об. Упоминаются и уставщики, которые обычно следили не только за порядком следования, но и за качеством богослужебного пения (№ 12. Л. 50–51; № 15. Л. 126 и др.).

и головщики имели здесь равное зажилое в гривну⁵. Монастырский хор состоял теперь не только из наиболее грамотных в богослужебном пении монахов, но и из профессиональных певцов, возглавляемых головщиками и уставщиками.

Представленные в таблицах данные являются типичными для первого десятилетия XVII в., затем сведения о клирошанах становятся отрывочными, упоминаются лишь отдельные из них, но величина жалования в целом сохраняется. Приведенные примеры также показывают, что в монастыре приходящие певчие получали к своему имени прозвание, которое образовывалось от места их пострига (Кирилловский, Чудовский, Борисоглебский и т.п.) или про-

⁵ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 12. Л. 76, 79, 81 и др.; № 15. Л. 48, 51 об., 55, 60 и др.; № 16. Л. 69 и др.; № 19. Л. 84 и др.; № 24. Л. 59 и др.

Таблица 1. Клирошане Иосифо-Волоколамского монастыря по найму
Table 1. Clergy of the Joseph-Volokolamsk Monastery for hire
а) в январе-декабре (I–XII) 1592 г.*

№	Имя клирошанина	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1	Мисаил	+	+										
2	Изокхей Кирилловский		+										
3	Павел Хутынский			+									
4	Нифонт	+	+	+	+	+	+	+					
5	Сергей Болдинец			+	+	+	+	+	+	+			
6	Никодим Духовский						+	+	+	+	+		
7	Авраам							+	+	+	+		
8	Христофор Корниловский							+	+	+	+		
9	Матфей							+	+	+	+		
10	Захар									+	+	+	
11	Дионисий Чудовский											+	
12	Изосим Федоровский										+	+	+
13	Давид Оршинский											+	+

* Указывается оплата за службу в конкретном месяце или за несколько месяцев (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 10. Л. 52, 54 об., 69, 72, 87 об., 89, 105–105 об., 116 об., 117 и др.).

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued**б) в сентябре-декабре (IX–XII) 1601 г. и январе-августе (I–VIII) 1602 г.***

№	Имя клирошанина	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1	Яким Волошанин	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Аврам Ярославец	+	+	+	+	+	+	+					
3	Сергей Борисоглебский	+	+										
4	Авсений Селижаровский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
5	Сергей Павловец	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
6	Герасим Ворбозомский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7	Дмитрий Клушин	+											
8	Асаф Осетр	+											
9	Нил Изветинов	+		+	+	+	+	+	+	+			
10	Вениамин Перфильев	+	+	+	+	+	+	+	+	+			
11	Савватий Веневский		+	+	+								
12	Афанасий Пест				+	+	+	+	+	+	+	+	+
13	Серапион Тихвинец					+	+	+	+	+	+	+	+
14	Лаврентий Архангельский					+	+	+	+	+	+	+	+
15	Симеон Сийский					+	+						
16	Давид Кирилловский					+	+	+	+	+	+	+	+
17	Иона Саввинский												+

* Указываются клирошане, числящиеся на 1 число каждого месяца, и оплата за службу в предшествующем месяце (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 12. Л. 76, 79, 81, 86, 89 и др.).

исхождения (Болдинец, Ярославец, Архангельский и т.д.). Краткость пребывания некоторых из них на певческой службе именно в этом монастыре объясняется, скорее всего, личными трудностями освоения местных музыкальных традиций⁶. Те, кому

удавалось их освоить, служили здесь в качестве клирошан длительное время.

Сохранился чрезвычайно интересный рукописный сборник, написанный на рубеже XVI–XVII вв. и содержащий в основном статьи («главы») нормативного, уставного характера. Некоторые правила, как это не раз подчеркивается, были установлены самим основателем обители преп. Иосифом. Они позволяют живо представить

⁶ Известный источник XVI в. свидетельствует: «Начнут быти в крылосех по их разуму гораздые певцы, каждо их начнет хвалити свое пение... Аки волове ревут друг перед другом, в пении том тщатся» (Moiseeva, 1958, 176).

самые разные стороны жизни монастыря, хотя по содержанию начального раздела книга получила общее наименование «Обиходник столовой» (рис. 2)⁷. О чем идет речь в первой статье лучше всего говорит её пространное название: «О трапезном покои, о пищи и о питии на празники владычни и богородичны и на память преподобного чудотворца Иосифа, и на государские кормы заздравные и заупокойные, и митрополичьи и владычни, и княжие и боярские болшие и средние и меншие, и во всякую неделю, и в постные и во обычные дни на весь год» (л. 1). Важно отметить, что получали монастырский «корм» все, кто пребывал в обители, даже «миряне, слуги и дети, и мастера всякие, и служебники все, и казаки» (л. 3 об.). Однако инокам, включая клирошан, по духовному завещанию преп. Иосифа, предписывалось питаться только в Трапезной палате («покое»), «а вон не выносить в келью никому пищи и пития» (л. 1). В статье очень подробно также освещено, когда и что исполняли клирошане совместно с игуменом, священниками или «со всем собором» в службах и действиях накануне «кормов».

Еще более подробно о совершении годового круга богослужения с указанием, что поется и читается в службах, какие виды колокольного звона их сопровождают, говорится в последующих уставных разделах сборника. Часто на полях рукописи напротив описаний особенностей, привносимых в ту или иную службу («святому обычному», «о вселенской понахиде», «в субботу отпуст большой», «повечерницу на соборе поют большую» и т.п.), киноварью помечено: «Иосиф», «Иосифов», «по Иосифовски» (л. 130 об., 132, 179 об., 194, 227 об. и др.). Привлекают внимание частые ссылки на уставы и традиции других монастырей. Это указания общего («а во иных обителях») или конкретного характера (ссылки на «типицы»-уставы великих монастырей – Студийского, Иерусалимского и Святой Горы; «у Троицы в Сергиеве обители»), которые подчеркивают связь Иосифо-Волоколамского монасты-

ря с общеправославной монастырской богослужебной традицией (л. 165 об., 222 об., 232 об. и др.). Но среди подобных указаний чаще всего особо киноварью выделяются пометы: «В московских обителях» (л. 224 об., 233 об., 257 об. и др.). Таким образом, источник подтверждает, что в богослужении обитель преп. Иосифа ориентировалась прежде всего на московские традиции.

Поддержанию этих традиций способствовали и частые наезды сюда главы государства. В сборнике имеется специальный раздел «О государеве царе приезде в монастырь» (л. 463–464; рис. 3), где подробно расписаны все действия игумена, причта и всей братии на всех этапах события – от подготовки («и как государь будет близ монастыря версты за две или за три, и благовестят в большей колокол долго, возвещая всей братии царево пришествие») и встречи («и как государь сойдет с коня... и поклонится государь игумену и братии, а братия челом ударит государю до земли»), до пребывания (совершение моления в соборе с многолетствованиями, после которого царь «идет во гробницу преподобного»; вечерни, после которой «игумен зовет государя хлеба ясти... А на тот день при государе корм большой заздравной») и отбытия царя (молебен, во время которого государь «пойдет ко образом и прикладывает золотые», «а звон не бывает на отпуске государеве»). Во всех богослужебных действиях свои обязанности перед царем выполняли и клирошане («и он велит начати пети»).

Как видим, у монастырских властей были причины для особого внимания к развитию церковно-певческого искусства в стенах своей обители и сохранению здесь традиций, как «в московских обителях».

Вместе с тем, по свидетельству документов, являясь грамотными, клирошане, подобно Ивану Носу, нередко участвовали и в хозяйственной жизни Иосифо-Волоколамской обители. Так, уставщик Варлаам в сентябре 1607 г. ездил в монастырские вотчины «под Тулу» и некоторое время жил там, распорядясь казенными деньгами; клирошанин Арсений Кузьминский в апреле 1629 г. получил жалованье за то, что жил на москов-

⁷ РГБ. Ф. 304. № 739. Далее отсылки на этот сборник приводятся в тексте.

ском подворье и «всякие монастырские дела вел»; в 1630 г. старец-клирошанин Витал вел записи «у житниц», где хранилось зерно, а Вассиан Юртин собирал деньги с крестьян, косивших сено на монастырских пустошах; в 1632 г. Вассиан вел расходные денежные дела на московском монастырском подворье⁸.

Участвовали клирошане и в ремесленных монастырских работах. Кирилл Свяженин в 1591 г. делал надписи на золоченых братинах (Zvereva, 1988: 121), предназначавшихся, по-видимому, для подношений приезжающим властям. В 1605 г. Варлаам Свинский шил покровы, необходимые для совершения обряда погребения братии, за что ему было дано из монастырской казны 0,6 руб.⁹ Но наиболее часто встречаем свидетельства о книгописной деятельности клирошан. Так, на протяжении первой трети XVI в. активно занимался перепиской книг клирошанин Симеон Пустынник; в записях 1530-х гг. сообщается, что он был «попов сын». Им были переписаны Евангелие, несколько Псалтырей, «Потребник», Сборник «торжественной», «Слова» Исаака Сирина, Сборник слов и поучений (Knizhnyye tsentry, 1991: 25, 28, 30, 39 и др.). Примерно к тому же времени относится и книгописная деятельность волоколамских клирошан Варлаама (написал Евангелие, Псалтырь), Никона (Евангелие), Дионисия (Часовник), Левкия (Псалтырь). Клирошанин же Акакий начал писать «печерский» Патерик, но «дописал» сборник игумен Пимен. Книги этих клирошан хранились в монастырской библиотеке и вошли в её Описание 1545 г. (Knizhnyye tsentry: 1991, 29–39).

Определенное влияние на певческие традиции монастыря могли оказывать не только сменявшиеся настоятели и певчие хора, но и книги, поступающие в монастырскую библиотеку в качестве вкладов. Через знакомство с ними также проникали «новые веяния», рожденные в весьма отдаленных землях. Например, в упомянутой Описи монастырской библиотеки 1545 г.

среди дополнительных записей начала 1570-х гг. зафиксированы Стихирарь «полной», который дал в монастырь «по душе своей» старец новгородского Юрьева монастыря Исайя Борода, Стихирарь «полной» с Ирмологием – вклад игумена Угрешского монастыря Пимена Садыкова, Стихирарь «полной» новгородского старца Корнилия (Knizhnyye tsentry, 1991: 41).

Согласно Описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. (рис. 4), среди певческих книг (главным образом это Стихирари, Ирмологии, Октоихи) были написанные иноками Юрьева, Ферапонта и иных монастырей; вкладчиками (а иногда и писцами) книг выступали владыки новгородский, рязанский, крутицкий, ростовский, казанский, а также игумены угрешский, селижаровский и другие, старцы и клирошане из Новгорода, Ржева, Свижска¹⁰.

Однако важным для закрепления и сохранения местной певческой традиции было написание и переписывание именно певческих книг самими волоколамскими клирошанами. Интересно, что из монастырской казны на эти цели выдавалась бумага, но не бесплатно, если книги переписывались певчими для себя. В 1606 г. клирошане «по нуже» получили «три дести» бумаги, за которую с них было «взято» три алтына¹¹.

Среди сохранившихся до наших дней певческих рукописей монастыря¹² крайне редко можно обнаружить книги, содержащие записи самих писцов. Эти книги бережно хранились в кельях клирошан, а для совместного пения на клиросе приносились особые экземпляры из библиотеки. Поэтому сведения, указывающие имя писца и место создания им рукописи, чаще всего фиксировали лишь тогда, когда происходила смена владельца или когда книга поступала в библиотеку. Так, хранитель монастырской библиотеки в одной из книг рубежа XV–XVI вв. надписал: «Стихираль полнаи

⁸ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 19. Л. 89, 107; № 67. Л. 46; № 74. Л. 14; № 82. Л. 4–5, 187.

⁹ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 15. Л. 53.

¹⁰ РГБ. Ф. 79. № 37. Л. 107–113, 125–128.

¹¹ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 15. Л. 26.

¹² ГИМ, Епархиальное собрание (30 рукописей); РГБ, Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря (8 рукописей).

Досифея Топоркова». Самим же писцом на одном из листов рукописи помечено, что «писал сию многогрешный инок Досифей по благословиению отца своего игумена Иосифа» (Knizhnyye tsentry, 1991: 250). Певческие Октоих и Ирмологий в 1572 г. написал волоколамский клирик Вассиан (в миру – Василий Шемякин) (Materialy, 1870: 8). В записи, оставленной писцом и вкладчиком черным священником Тимофеем в марте 1675 г., говорится, что по этой книге петь в соборе Успения Богородицы Иосифо-Волоколамского монастыря и «в церквах тоя обители, а по кельям не носить и никому своею не называть» (Knizhnyye tsentry, 1991: 250–252).

Гораздо чаще встречаются сборники с владельческими и вкладными записями, которые иногда содержат интересные подробности из практики использования этих книг. Например, одна запись конца XV в. сообщает: «Почали петь Ермолои [...], а пели у преподобнаго государя у Геласия у Каменьского старца» (Knizhnyye tsentry, 1991: 249).

Рассмотренные нами примеры состояния и развития церковно-певческого искусства в монастыре, где определяющим являлось ориентирование на «московское пение», позволяют полагать, что также в тесной связи с крупными региональными певческими центрами развивались творческие традиции и других монастырей России. Клирошане, часто приходившие из раз-

ных районов страны, осваивая особенности местных певческих традиций, привносили и новый музыкально-интонационный материал, усвоенный ими ранее (прежде всего в разводы формул, строк песнопений). Так, в рамках крупной местной школы возникали выделяющиеся своеобразием монастырские распевы. Попав в певческие сборники, они начинали бытование в профессионально-музыкальной среде, причем большинство песнопений, получивших свой напев в обителях Руси, обозначалось в рукописях просто как безымянный «монастырский распев» (подробнее см.: Parfentiev, Parfentieva, 2013: 94–95).

Представленный обзор деятельности клирошан показывает, что они были мастерами в области музыкального искусства, являя собой наиболее образованную и грамотную часть монастырских иноков. Со временем древнерусские обители становились центрами высоких достижений материальной и духовной культуры. Среди них особое место занимают музыкальные произведения.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Acty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiy [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by Archaeographic expedition.], v. 1, St. Petersburg, 1836, 410.

Brazhnikov M. V. Drevnerusskaya teoriya muzyki [Old Russian theory of music]. Leningrad, 1972, 423.

Dopolneniya k Actam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiy [Additions to historical acts collected and published by the Archaeographical commission], v. 1, St. Petersburg, 1846, 432.

Zvereva S. G. Monastyrskiye kliroshane XVI – pervoy poloviny XVII v. [Monastic Khirochans of the 16th – first half of the 17th centuries]. *Literatura Drevney Rusi: istochnikovedeniye* [Literature of Ancient Rus': source study]. Leningrad, 1988, 117–128.

Knizhnyye tsentry Drevney Rusi. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti [Book centers of Ancient Rus'. Joseph-Volokolamsk Monastery as a center of book learning]. Rev. ed. Likhachev D. S., Leningrad, 1991, 486.

Kudryavtsev M. *Istoriya pravoslavnogo monashestva v Severo-Vostochnoy Rossii* [History of Orthodox monasticism in North-Eastern Russia]. Moscow, 1881, 254.

Materialy dlya arkhelogicheskogo slovarya [Materials for the archaeological dictionary] *Drevnosti. Trudy moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva* [Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society], v. 2, Moscow, 1870, 483.

Moiseeva G. N. “Valaamskaya beseda” – pamjatnik russkoy publicistiky serediny XVI veka. [“Balaam conversation” – relic of Russian publicism of the mid 16th century]. Moscow, Leningrad, 1958, 199.

Parfentiev N. P. *Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo v dukhovnoy kul'ture Rossiyskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Shkoly. Tsentry. Mastera* [Old Russian singing art in the spiritual culture of the Russian state in the 16th–17th centuries: Schools. Centers. Masters]. Sverdlovsk, 1991, 236.

Parfentiev N. P. *Maloizvestnye mastera Moskovskoy shkoly tserkovno-pevcheskogo iskusstva* [Little-known masters of the Moscow school of church singing art]. *Gimnologiya. Vyp.6: Aktual'nyye problemy izucheniya tserkovno-pevcheskogo iskusstva: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Gymnology. Issue 6: Current problems in the study of church singing art: materials of the international. scientific conf.]. Moscow, 2011, 192–202.

Parfentiev N. P. *Professional'nye muzykanty Rossiiskogo gosudarstva XVI–XVII vekov. Gosudarevy pevchie diaki i patriarshye pevchie diaki i podiaki*. [Professional Russian musicians of the 16th–17th centuries. The Tsar's singing diaki and the patriarch's singing diaki and podiaki]. Cheliabinsk, 1991a, 446.

Parfentiev N. P., Parfentieva N. V. *O deyatelnosti masterov Troitse-Sergiyevskogo monastyrya v oblasti drevnerusskogo muzykal'nogo iskusstva* [On the activities of the masters of the Trinity-Sergius Monastery in the field of Old Russian musical art]. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2013, 1, 92–103.